

КОМПАРАТИВНІ ДОСЛІДЖЕННЯ ЛІТЕРАТУРИ

УДК 821.161.2

ТИБОР БАРОТИ,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и литературы
Института славянской филологии Сегедского университета (Венгрия)*

ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ ПРОРОКА В ТВОРЧЕСТВЕ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО И ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛИША

В статье анализируются художественные функции пророческих мотивов в поэзии Шевченко в аспекте культурной и литературной традиции. Рассматриваются поэмы Шевченко, в которых находят свое отражение пророческие мотивы Ветхого Завета и Книги Царств. Указывается, что библейские пророческие мотивы были характерны для произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Пантелеймона Кулиша, однако выполняли иную художественную функцию, нежели в поэмах Шевченко.

Ключевые слова: пророческие мотивы, художественное мировоззрение, лирический субъект.

О общеизвестно, что автора «Кобзаря», основоположника украинской национальной поэзии, Тараса Шевченко, принято называть поэтом-пророком. Украинский историк и культуролог пишет о Шевченко: «Бывший крепостной никогда не забывал о своих «знедолених братів». Громкоподобным тоном библейского пророка он обличал крепостников-эксплуататоров. В отличие от большинства интеллигентов своего времени Шевченко ... в своих стихотворениях открыто призывал к радикальному, революционному решению вопросов социальной действительности» [8, с. 300]. Автор исследования, завершающего в качестве «добавления» к канадскому изданию «Кобзаря» Шевченко, уже в названии своего исследования указывает на явление пророчества в творчестве поэта: «Тарас Шевченко: духовна реанімація пророцтва» [10].

Тема пророчества и поэта-пророка не раз встречается в творчестве поэтов и писателей-современников Шевченко и Кулиша.

Известное стихотворение Пушкина 1826 г. «Пророк» разрабатывает библейскую тему видения Исаи во храме и Божьим призывом пророчествовать народу (Ис. 6, 1–13). Стихотворение Лермонтова 1841 г. «Пророк» изображает смех и издевательство духовно падшего, пошлого народа над Пророком Божьим. Соотечественник Шевченко и Кулиша, Гоголь, ставший русским писателем в своих «Выбранных местах из переписки с друзьями», обращается к своим современникам как библейский пророк. Здесь, однако, следует отметить, что осмысление темы пророка и пророчества в творчестве разных поэтов и писателей определяется оценочной системой, лежащей в основе их творчества. Оценочная система каждого писателя включает в себя и творческую позицию, вырисовывающуюся в отношении факторов Господь – пророк – царь и народ, представляющих собой одно динамическое целое уже в первоисточнике всех пророчеств – в Книгах Ветхого Завета, например, во Второзаконии. Пророк оглашает установки Господа об избрании царя в Израиле и о том, как царь и народ должны относиться к Господу и действовать: «То поставь над собою царя, которого избрет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою

царя; не можешь поставить над собою царем иноземца, который не брат тебе» (Втор. 17, 15). В той же главе Второзакония определяется должное отношение царя к Господу и к своему народу. Но когда он сядет на престол царства своего, должен списать для себя список закона сего из книги, находящейся у священников-левитов. И пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии. Чтобы не надрывалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля» (Втор. 17, 18–20). В Первой Книге Царств мы можем читать Псалом хваления Анны о Всемогущем Боге: «Лук сильных преломляется, а немощные препоясываются силою. Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит. Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает. Господь сотрет препирающихся с Ним; с небес возгремит на них. Господь будет судить концы земли, и даст крепость царю Своему, и вознесет рог помазанника Своего» (Цар. 2, 1–12). Во Второй Книге Царств мы можем прочесть хвалебную Песнь пророка и царя Давида, «воспетую Господу, его Избавителю» (2 Цар. 22, 2–51). В Третьей Книге Царств Господь обновляет с Соломоном Свой Завет и предупреждает о наказании за неверность. В другом стихе мы читаем: «И сказал ему Господь: Я услышал молитву твою и прошение твое, о чем ты просил Меня... И если ты будешь ходить пред лицом Моим как ходил отец твой Давид, в чистоте сердца и в правоте, исполняя все, что Я заповедал тебе, и если будешь хранить уставы Мои и законы Мои. То я поставлю царский престол твой над Израилем вовек. Если же вы и сыновья ваши отступите от Меня, и не будете соблюдать заповедей Моих и уставов Моих, которые Я дал вам, и пойдете, и станете служить иным богам и поклоняться им. То я истреблю Израиля с лица земли, которую Я дал ему, и храм, который Я освятит имени Моему, отвергну от лица Моего, и будет Израиль притчею и посмешищем у всех народов. И скажут: «за то, что они оставили Господа, Бога Своего, Который вывел отцов их из земли Египетской, и приняли других богов, и поклонялись им, и служили им, – на это навел на них Господь все сие бедствие» (3 Цар. 9,1–9).

В приведенных стихах содержатся предупреждения Господа Соломону о наказаниях за неверность ему и царя и народа. В вышеупомянутой главе Книги Пророка Исайи в стихах, следующих вслед за призывом Бога к Исайе обратиться к народу, Господь говорит пророку о преступном отказе народа от него: «И сказал Он: пойдя, и скажи этому народу: слухом услышите, и не уразумеете; и очами смотреть будете, и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их» (Ис. 6, 9–10).

В стихотворении Тараса Шевченко 1848 г. «Пророк», опубликованном только в 1859 г., поэт изображает неверность народа Господу и его отступничество от Него, упомянутые в предостережениях Господа Соломону в Третьей Книге Царств («Если же вы и сыновья ваши отступите от Меня... и пойдете, и будете служить иным богам и поклоняться им» – 3 Цар. 9, 6), а также последующее обещанное Богом наказание за предательство. Намеченное в библейском предупреждении Господа наказание в стихотворении Шевченко претерпевает, однако, характерное для художественного мировоззрения поэта радикальное изменение: за преступление и предательство народа – за убийство пророка, за отказ от Бога и поклонение другим богам Господь Великий в стихотворении Шевченко, в отличие от библейского текста, не наказывает одинаковым образом царя и народ, а только народ, изображенный единственным, исключительным преступником, т. е. причиной наказания, а царя стихотворение Шевченко изображает только как следствие, т. е. как сам факт наказания. Стихотворение Шевченко «Пророк» приводим целиком:

Как будто праведных детей,
Господь, любя своих людей,
Послал на землю им пророка
Свою любовь благовещать!
Святую правду возвещать!
И как Днепра поток широкий,
Слова его лились, текли

И в сердце падали глубоко,
И души хладные зажгли
Огнем незримым. Полюбили
Пророка люди и ходили
За ним, и слезы их лились,
Но люди злобны и лукавы!
Они святую божью славу
Растлили... и чужим богам
Воздали жертву! Осквернились!
И мужа свята... Горе вам!
На стогнах камнями побили.
И праведно Господь великий,
Как на зверей свирепых, диких,
Оковы повелел ковать,
И тюрьмы темные копать,
И – род лукавый и жестокий! Взамен
смиренного пророка...
Он повелел царя вам дать! [9, с. 487].

Положение, изображенное в стихотворении, – рабство, выраженное словами «оковы» и «тюрьмы». Символом и воплощением такого рабства, как следствия духовного падения и свирепства народа, является «царь», образ которого в ряде стихотворений Шевченко сохраняет такое абсолютно отрицательное содержание оценки. Шевченко в своем стихотворении 1844 г. «Гоголю» уже жалуется своему соотечественнику, ставшему русским писателем, на «осквернившийся» народ, на его духовное и моральное падение как причину актуального унижительного рабства.

Духовное и моральное падение народа, и в этом стихотворении связанное с образом рабства («В кандалах поникли»), выражается близкими к приведенным выше библейским словам о библейском «осквернившемся» народе, в результате преступного отказа от Бога переживающем духовную и моральную слепоту и глухоту: «Слухом услышите, и не уразумеете; и очами смотреть будете, и не увидите; Ибо огрубело сердце народа сего... да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Ис. 6, 9–10). Стихотворение Шевченко «Гоголю» приводим в отрывках:

Где найду такого,
Кто бы понял и приветил
Великое слово?
Все оглохли, все ослепли,
В кандалах поникли...
Не услышит вольных пушек
Сторона родная.
Не зарежет старый батько
Любимого сына
За свободу, честь и славу
Своей Украины.
Не зарежет, а выкормит
Да царю на бойню
И отдаст...
Он отдаст царю-престолу
Да немцам-собакам... [9, с. 271].

В приведенном отрывке лирический герой Шевченко, обращаясь к Гоголю, как бы сталкивается с положением пророка Исаяи, призванного Господом говорить к народу, оглохшему и ослепшему. В пропущенных нами из стихотворения Шевченко частях поэт неоднократно противопоставляет свой плач гоголевскому смеху. Более глубокое противопоставление обнаруживается, однако, между упомянутым в стихотворении гоголевским изо-

бражением славного исторического прошлого украинского казачества, полного духа и готовности возвышенного самоотвержения «за свободу, честь и славу своей Украины» и избраженным унижительным настоящим бездушного существования.

Третий, наиболее глубокий и обширный аспект несовпадения понимания роли пророка (поэта-пророка) и пророчества, обнаруживается, однако, если сравнить понимание Гоголем и Тарасом Шевченко этого вопроса в уже предложенном нами выше аспекте Господь – пророк – царь – народ, а главным образом, в аспекте отношения пророка (поэта) к царю.

Выше мы уже указали на то, что в стихотворении Шевченко «Пророк» осмысление места царя не совпадает со своим библейским первоисточником. Что касается Гоголя, то он на основе книг Ветхого Завета предлагает толкование данного вопроса, противоположное осмыслению Шевченко. Гоголь в письме «О лиризме наших поэтов», адресованном В.А. Жуковскому, пишет: «В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому» [3, с. 216]. Несколько дальше Гоголь указывает и на источник такого лиризма: «Наши поэты видели всякий высокий предмет в его законном соприкосновении с верховным источником лиризма – Богом» [3, с. 216].

Далее Гоголь называет два предмета, близких для русских поэтов к библейскому. Первым предметом Гоголь называет Россию. Обыкновенная любовь к отечеству не обещала бы такого возвышенного лиризма, который рождается в результате вдохновенного прикосновения пророческого духа к тайникам Божественного Промысла о предназначении России, который «...рождается от невольного прикосновения мысли к верховному промыслу, который так явно слышен в судьбе нашего отечества» [3, с. 217]. Источником такого возвышенного лиризма Гоголь считает «прозрение прекрасного нового здания, которое покамест не для всех видимо зиждется и которое может слышать всеслышающим ухом поэзии поэт или такой же духовидец, который уже может в зерне прозревать его плод» [3, с. 217].

Вторым предметом высокого лиризма русских поэтов Гоголь называет любовь к царю [3, с. 218]. Вслед за приведенным пушкинским стихотворением Гоголь пишет о царе: «Оставим личность императора Николая и разберем, что такое монарх вообще, как божий помазанник, обязанный стремить вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает бог... Кто среди самих развлечений слышит вечный, неумолкаемо раздающийся в ушах клик божий, неумолкаемо к нему вопиющий, – тот может быть уподоблен древнему боговидцу» [3, с. 220–221].

В приведенной цитате Гоголь образ царя уподобляет образу библейского пророка Моисея, а несколько ниже он говорит о близком к пророческому прозрению восприятия поэтов, которые видели в предназначении царя историческое дело божьего Промысла: «Высшее значенье монарха прозрели у нас поэты, а не законоведцы, услышали с трепетом волю бога создать ее в России в ее законном виде; оттого и звуки их становятся библейскими всякий раз, как только излетает из уст их слово царь... Страницы нашей истории слишком явно говорят о воле промысла...» [3, с. 223].

В стихотворении Шевченко 1858 г., начинающемся словами «Я, чтобы не сглазить, не хвораю», причину отсутствия свободы называет царя Николая I и указывает на путь революционного решения проблемы:

Доброго не жди, Напрасно
воли поджидаем, Она
заснула, Николаем
Усыплена. Чтоб разбудить
Беднягу, надо поскорее
Всем миром обух закалить
Да наточить топор острее
И вот тогда уже будить [9, с. 646].

Стихотворение Шевченко «Завещание» 1845 г. представляет собой как бы посмертное обращение пророка-поэта к своему народу (из трех строф приводим только последние две):

И тогда с полей Украины
Кровь врагов постылых
Понесет он... вот тогда я
Встану из могилы Подымусь
я и достигну
Божьего порога,
Помолюся... А покуда
Я не знаю Бога.
Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте – помяните
Добрым тихим словом [9, с. 353].

Приведенное стихотворение, с точки зрения позиции поэта-пророка, в соотношении Бог – пророк – царь – народ – в контексте стихотворений, приведенных выше, является загадочным, ведь отсутствие свободы, т. е. переживаемое рабство, воплощенное образом царя, существует по божьему повелению за духовное падение народа, за убийство им пророка Божьего. А заключающие слова второй строфы: «А покуда я не знаю Бога» как бы указывают да то, что пророк неожиданно опять оказывается на стороне народа, осквернившегося, отвергшего Бога и убившего пророка. Данное стихотворение Шевченко, однако, является посмертным завещанием пророка, его трансцендентным обращением – и одновременно прощением – к своему народу, его отвергшему, в надежде, по крайней мере, на его «запоздалое духовное воскресение», что означало бы вместе с духовным уразумением и обретение утерянной вследствие «грехопадения» свободы пребывания в Боге.

Последнее стихотворение из трилогии Шевченко «Доля», «Муза», «Слава» выражает не просто желание славы в повседневном смысле, т. е. как желание достигнуть успеха. Заключающие стихотворение строки в народном, разговорном стиле выражают желание лирического субъекта встретиться со славой:

За тобой плетусь, как прежде,
Хоть слышал немало,
Как ты с пьяными царями
По шинкам гуляла,
А всех дольше с Николаем,
В Крыму в злые ночи.
Но об этом я не плачу
И тужу не очень.
Дай тобой налюбоваться,
Дай на грудь склониться!
Под крылом твоим хочу
В тишине забыться [9, с. 643–644].

Сбывающаяся мечта лирического героя стихотворения о встрече со славой и о «самозабвении» на ее груди была бы однозначной осуществлению поэтической-пророческой мечты, изображаемой в заключительных строках стихотворения «Завещание»: слава поэта ведь обозначает приятие его пророчества, т. е. «божьей святой правды» народом, т. е. воскресение, духовное обновление народа, восстановление святой вольности. Состояние вольности как восстановление исходного положения потерянного рая до грехопадения в понимании Шевченко однозначно исчезновению монархии, царя. И Шевченко, в отличие от Данте, Пушкина, Гоголя, а также Пантелеймона Кулиша, республиканец, и во многих его стихотворениях, в том числе и в приведенном выше «Завещании», звучат отголоски кровавого марша французской революции – «Марсельезы»:

Allons enfants de la Patrie,
Le jour de gloire est arrive!
Contre nous de la tyrannie,
L'etendard sanglant est leve,
Entendez-vous dans les campagnes
Mugir ces feroces soldats?
Ils viennent jusque dans vos bras
Egorger vos fils et vos compagnes!
Refrain
Aux armes, citoyens,
Formez vos bataillons,
Marchons, marchons!
Qu'un sang impur
Abreuve nos sillons! и т. д.

Антимонархическая позиция Шевченко аналогична радикальному, плебейскому республиканству его венгерского современника Шандора Петефи. Венгерский поэт в ряде стихотворений 1847–1848 гг. выражает свое революционное республиканство, например, в стихотворениях 1848 г. «Восстало море», «Королям», «Лук мой славный», «Боевая песня», «На виселицу королей» и т. п. Приводим отрывок из 4-й строфы стихотворения Петефи «Королям» 1848 г. в качестве примера сочетания в его поэзии революционного республиканства с присутствующими в нем библейскими мотивами:

Я бы мог поднять на вас народы
Вся земля восстала бы сейчас,
Чтоб с великой яростью Самсона
Миллионы ринулись на вас! [7, с. 269].

В стихотворении 1847 г. «Поэтам XIX века» Петефи призывает поэтов-современников выполнять долг современного пророка-Моисея:

В пустыне знойной страждем мы,
Как Моисей с его народом,
А ныне огненным столпом
Поэт людей ведет в пустыне.
Господь поэту повелел
Вести их к новой Палестине.
Иди же, если ты поэт,
С народом сквозь огонь и воду!
Проклятье всем, кто, кинув стяг,
Изменит своему народу! [7, с. 163].

Из приведенных отрывков видно, что на основе предполагаемой нами соотносительности Господь, Царь (король), пророк (поэт) и народ – Петефи аналогичен Шевченко, так как оба поэта, выполняя божий призыв, обращаются к народу, но отрицают царя (короля). Разница в их позициях определяется различными историческими обстановками. Петефи как участник и один из идейных руководителей революционных событий 1848 г., а также последующей за ними освободительной борьбы 1848–1849 гг. против монархии Габсбургов, свою позицию пророка постепенно сменяет на более близкую к действиям позиции апостола.

Пантелеймон Кулиш опубликовал свой исторический роман «Черная рада. Хроника 1663 года» в Санкт-Петербурге в 1857 г. на украинском и русском языках. Второе русское издание романа (С.-Петербург, 1899 г.) вышло с дополнением, исследованием автора сравнительно-литературоведческого характера под названием: «Об отношении малороссийской словесности к обще-русской. Эпилог к «Черной раде» [5, с. 338–370].

Кулиш наряду с литературоведением занимался историей и этнографией. Его исследования историко-этнографического характера имеют глубокие следы и в романе «Черная

Рада». Пантелеймон Кулиш в своих «Записках о южной Руси» уделяет большое внимание деятельности народных пророков, слепых нищих бардов-музыкантов, слагателей и певцов народных дум, которые «занимают первое место по развитию поэтических и философских способностей» [6, с. 43]. П. Кулиш описывает, однако, знакомого ему барда, Андрея Шута, который, будучи слепцом, содержал себя своей работой, но «слепота развила в нем врожденный вкус к песням... и скоро он сделался любимым музыкантом и певцом во всем Со-сницком округе... Лучшие часы своей жизни он проводил в храме Божьем... чтение псалмов, молитв и церковное пение возвышали его душу над нуждами и бедствиями переходящей жизни и устремляли ее к бесконечному. «Он смотрит на ремесло нищего как на дело богоугодное. По его понятиям, нищий существует на то, чтобы напомнить людям о Боге и добродетели...» [6, с. 44–45]. Мы привели эту пространную цитату из этнографического исследования Кулиша потому, что в его романе есть один персонаж, божий человек – слепой бард, чья позиция в историческом романе близка к авторской.

Далее Кулиш в своем историко-этнографическом исследовании пишет о несовпадении исторического материала, зарегистрированного в сочинениях историков и летописцев, а также в народных легендах, преданиях и исторических песнях, сочиненных народными бардами. Эти последние, как пишет П. Кулиш, «уклоняясь от точных дат и фактов, тем не менее, интересны для историка-этнографа, как искреннее выражение образа мыслей народа и взгляда его на свою собственную историю... Народ как будто стоит в стороне и смотрит на свою историю... как на что-то вне его происходящее... Он смиренно клонит голову перед всякою бурей... и чаёт своего спасения от Бога, а не от людей...» [6, с. 121–122].

П. Кулиш неоднократно подчеркивает, что слагателями исторических дум и песен были вышеупомянутые слепцы. Далее историк-этнограф замечаемый им упадок малороссийского народного творчества объясняет тем обстоятельством, «что дух народный ослабел в массе населения... и возродился в просвещенном, небольшом слое общества, ближайшем к народу по своей любви к нему и сознательно продолжающем его духовную жизнь в новых формах – цивилизации... Мы все... ведем свое происхождение от своих рапсодистов, как Греческие писатели образованного века вели его от Гомера, и как сам Гомер – от предшествовавших ему очевидцев деяний старой Греции» [6, с. 121–122].

Само собой разумеется, что, будучи писателем, автором исторического романа вальтер-скоттовского типа, П. Кулиш представляет собой продолжение народного духа, и он ведет свое происхождение от малороссийских рапсодистов, слагателей исторических песен, слепцов-бардов-бандуристов, каким выступает в его романе «Божий человек». Другим источником исторического романа являются упомянутые в очерке-эпilogе к «Черной раде» «История русов» Кониского, «Летопись Самовидца», изданная профессором Бодянским, а также «Очерк истории Малороссии Соловьева» [5, с. 350–352].

В хрониках «Истории русов», в этих весьма загадочных по авторству, но возвышенных по стилю и глубоко религиозно-патриотических, автор сравнительно коротко описывает «Черную раду» 1864 г., но подчеркивает фальшивый характер Ивана Брюховецкого и его намерений. В хрониках «Истории русов» более детально пишется о катастрофических последствиях черной рады для Украины. Об исторических условиях созыва рады и о роли Ивана Брюховецкого мы можем прочесть следующее: «После уничтожения Юрия Хмельницкого возродило в Малороссии ужасное замешательство, междуусобия и всех родов нестроения. Вдруг восстало в ней пять самовольно назвавшихся Гетманов, избравших себе разные партии и неистовые протекции: один Турецкую, другой Польскую, а третий Росийскую!... Иван Брюховецкий, Сей, бывши при Юрии Хмельницком великим фаворитом и предателем, умел найти знатные суммы, и когда командир его и благодетель пресмыкался... из тюрьмы в тюрьму, он, между тем, подобрал себе самую большую партию подарками и могоричами и, потому избран Гетманом от самого большого числа Козаков, а паче от Запорожцев, кои своевольно в выборы сии вмешались, а прежде они того чужды были» [4, с. 157].

Для сравнения приведем из тех же летописей «Истории русов» отрывки из прокламации гетмана Богдана Хмельницкого своим старшинам 1648 г., а также ответ гетмана царю Алексею Михайловичу 1649 г., предложившему союз с Украиной. В обоих проявлениях гетмана чувствуется высокая ответственность государственного деятеля за честь, достоинство

и историческую судьбу своей страны, своего народа. Понимание Богданом Хмельницким своей власти равно его ответственности перед Богом и народом, примеры которой мы находим в приведенных выше отрывках из Книг Царств Священного Писания. В прокламациях Б. Хмельницкого мы читаем: «Лучше тоди и благополезнейше нам за веру Святую Православную и за целость отчизны на пляцу военном, от оружия бранного полягги, нежели в домах своих, яко невестюхам побиенным быти. Где же естли умрем за благочестивую веру нашу, то не только слава и отвага наша лицарская во всех Европейских и иных странах, дальних землях провозгласится, але и упование наше, еже за благочестие умрети, будет бессмертия исполнено и страдальческими венцами от Бога венчано» [4, с. 71].

А об ответе Б. Хмельницкого царским послам мы читаем в летописи: «Гетман в сильных выражениях доказывал послам Царским, что народ, им предводимый, есть народ вольный и готовый всегда умереть за свою вольность до последнего человека и характер сей в нем врожденный и неудобен к насилчанию; а при том, не смотря на его наружную простоту, есть он разборчив и проницателен, то есть, знает ценить важность держав и народов» [4, с. 77–78].

Подкупленные Брюховецким участники «черной рады», однако, не похожи на благородный народ Хмельницкого, они действительно представляют собой «чернь», низы запорожского казачества и общества. В начале семнадцатой главы «Черной рады» Кулиш описывает пир избранного черной радой Брюховецкого, где царские послы, подкупленные им, тоже становятся сообщниками нечистого дела гетмана: «Между тем новый гетман пировал в Нежине. Возле него сидели московские послы. Их сановитая наружность резко противоречила плутоватой мине Брюховецкого и дикости ухваток и речей запорожских его старшин. Казалось бы, этим людям никогда не сойтись на общий пир; но такова сила корыстолюбия, что сановитые вельможи не устыдились подружиться с бесчестными разбойниками, а людей, которые сделали бы им честь своею дружбою, предали поруганию и тиранству. За золото Брюховецкого они бесстыдно обманывали своего царя, который во всем на них полагался, и сделались причиною последовавших скоро затем между Россиею и Укратиною войн, которые погубили множество народу с той и с другой стороны и надолго поселили племенную неприязнь и отчуждение» [5, с. 300–301].

А некоторым протестующим честным казацким старшинам, которые уже осознавали обман Брюховецкого, новый гетман отвечает словами, бросающими свет на основу нововведенного «порядка, установившегося «первобытного коммунизма» – на свободу грабежей, неуважение собственности и свирепство беззаконного насилия: «Говорил, и как обещал, так и исполнил. Сами видите, что запорожцы теперь первые паны в гетманщине; поделал я их сотниками и полковниками; будут они судить по запорожским обычаям всю Украину. Уже и теперь нет ни у мещанина, ни у мужика – это мое, а это твое; все стало общее; казак ведь хозяйничает, как в собственном кармане. Чего-ж вам еще хочется?» [5, с. 306]. А честный запорожец Кирил Тур, посетивший в тюрьме свергнутого Черной радой законного гетмана Сомко, ожидающего смертной казни говорит о случившемся на раде: «На раду, ведь, сползлась только вся дрянь из гетманщины, а добрые люди Иванцовым сорванцам не говорили. Потому-то Иванец и не сделал на раде все, что хотел. А с Запорожья тож только одни разбойники вышли в Украину, а что осталось в Сечи доброго, все за тебя теперь станет» [5, с. 320–321].

Из продолжающихся разговоров Кирила Тура и Сомко становится ясно, что свергнутый гетман не склонен начать борьбу за власть и что он не способен проливать ради этого христианскую кровь. Он отказывается от войны не только за свои гетманские права, но и даже за то, чтобы правда взяла верх над неправдою. Он отвечает Кирилу: «Возьмет она верх и без нас, брат Кирило. Может быть, Господь только для науки народу допустил торжествовать злодеям. Видно, нельзя иначе довести людей до ума, как горем да бедою!» [56, с. 321].

В приведенных словах, в мышлении и поведении Сомко не трудно заметить аналогичность с народным образом мышления, о которой он писал в своих «Записках» [6, с. 121–122]: «Он смиренно клонит голову перед всякою бурей... и чаёт своего спасения от Бога, а не от людей». Таким пониманием «эсхатологического мышления» [1, с. 253, 255] характе-

ризуется отношение узника-гетмана не только к своему бывшему гетманству, но и к своей личной судьбе. На вопрос Кирила Тура, касающегося гетманства, Сомко отвечает: «Были у меня и друзья, и приятели, были полки и пушки, да Бог не благословил мне гетманствовать; так чего-ж мне идти против воли Божией? Рука Его видимо на мне отяготела...» [5, с. 321–322]. Такое же жертвенное повиновение Божьему Промыслу обнаруживается в словах Сомко, когда он отвечает на предложение Кирила Тура спасти себе жизнь: «Нет, брат, этого не будет. Пускай погибает тот, кому Господь определил пострадать за правду; а чужою смертью я не куплю свободы» [5, с. 322].

Сомко, однако, не безответный религиозный фанатик и мазохист. В великодушном, жертвенном предложении своего бывшего соперника он, как человек, в ответе за судьбу своей родины перед Богом видит будущее торжество правды и спасения Украины: «Ох, голова ты моя милая! – сказал Сомко. – Ты и в темницу вносишь ко мне отрадный свет! Теперь мне легче будет пострадать за правду: вижу теперь, что правда не у одного меня живет в сердце и не погибает со мной в Украине! Простимся-ж, пока увидимся на том свете!» [5, с. 324].

В последней 19-й главе автор сообщает о казни Сомко и Васюты и о ссылке их приверженцев. О гетманстве Брюховецкого мы читаем: «Украина приуныла; все трепетало новой старшины казацкой; запорожцы везде распорядились чужою собственностью как своею» [5, с. 330].

На эту незаконную ситуацию жалуется Петро, личная судьба которого как бы управляемая Божьим Промыслом, формируется на фоне грозных, исторических событий: «Грустно мне, сказал Петро Божьему Человеку, – что в свете злодей панует, а добрым людям за труды и за горести нет никакой награды!... Отчего-ж Иванец торжествует, а Сомко и мой пан отец выпили горькую?» [5, с. 336]. Божий человек, будучи персонажем романа, близким к описанным в «Записках...» Кулиша слепым бардам-бандуристам, отвечает близким к народному пониманию тоном, подчеркивая первостепенность в мирских делах Провидения: «Иванца Бог грехом уже покарал. А праведному человеку какой награды желать в этом мире?... За что награды? За то, что у меня душа лучше, нежели у тысячи моих ближних? А в этом разве мало милости Божией?... Суета сует! Слава нужна миру, а не тому, кто славен. Мир пускай учится добру, слушая, как жертвовали жизнью за общее благо; а славному слава у Бога!» [5, с. 336–337].

Автор, сообщая о венчании Петра и Леси, судьбу влюбленных в вихре исторических испытаний сравнивает с природным явлением, подчеркивая действенность Божьего Промысла – согласно народной мудрости Божьего Человека – в жизни человека: «Таким образом, вся буря смутной тогдашней години прошла для них, как во сне. Так иногда разразится над цветущею природою сокрушительная гроза; грохочет гром, бушует ветер; буря ломает деревья, исторгает с корнями дубы и березы; но чему суждено расти и цвести, то все уцелеет и будет красоваться весело и пышно, как будто никогда и грозы не видало» [5, с. 337].

Список использованной литературы

1. Бердяев Н. Русская идея / Н. Бердяев. – Париж: YMCA-PRESS, 1971. – 258 с.
2. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета / Библия. – М.: Издание Московской Патриархии, 1968. – 1271 с.
3. Гоголь Н.В. О лиризме наших поэтов / Н.В. Гоголь // Собр. соч.: в 7 т. / Н.В. Гоголь. – М.: Художественная литература, 1978. – Т. 6. – С. 213–226.
4. Кониский Г. История руссов или Малой России / Г. Кониский // Сочинения Георгия Кониского, Архиепископа Белорусского. – М.: Университетская типография, 1846. – 366 с.
5. Кулиш П. Черная Рада. Хроника 1663 года / П. Кулиш. – СПб.: А.С. Суворин, 1899. – 370 с.
6. Кулиш П. Записки о южной Руси / П. Кулиш. – К.: Дніпро, 1994. – 670 с.
7. Петефи Ш. Избранное / Ш. Петефи. – М.: Художественная литература, 195. – 607 с.
8. Субтельный О. Украина. История / О. Субтельный. – К.: Либідь, 1994. – 736 с.
9. Шевченко Т. Кобзарь / Т. Шевченко. – М.: Художественная литература, 1954. – 744 с.

10. Шулинський М. Тарас Шевченко: духовна реанімація пророцтва // Шевченко Т. Кобзар. – Вінніпег, 1960. – С. 1–15.

У статті аналізуються художні функції пророцьких мотивів у поезії Шевченка в аспекті культурної та літературної традиції. Розглядаються поеми Шевченка, у яких знаходять своє відображення пророцькі мотиви Старого Заповіту та Книги Царств. Зазначається, що біблійні пророцькі мотиви були характерні для творів Пушкіна, Лермонтова, Гоголя та Пантелеймона Куліша, проте виконували дещо іншу художню функцію, ніж у поемах Шевченка.

Ключові слова: пророцькі мотиви, художній світогляд, ліричний суб'єкт.

The author of the present essay analyses the meaning of the prophetic role and Shevchenko's relation to Biblical prophets from the point of view of cultural and literary history. Considering Shevchenko's poems dealing with the prophetic role in the Old Testament, and on the basis of The Book of Kings. The present essay points out that the Biblical order of prophetic roles was valid in Pushkin's, Lermontov's, Gogol's and Panteleimon Kulishe's works, while in Shevchenko's poems analyzed in the essay, it is different from that order.

Key words: prophetic motifs, artistic outlook, the lyrical subject.

Надійшло до редакції 30.06.2011.